

Погоня за Фродо

Алексей Корал

Алексей Корал

Погоня за Фродо

«Автор»

2025

Корал А.

Погоня за Фродо / А. Корал — «Автор», 2025

Друзья, перед Вами ЛитРПГ в стиле Gamebook. Каждый вечер читатели канала "Средиземье" в телеграм выбирают продолжение пути, которым отправится наш герой. Так что если хотите повлиять или изменить историю, то заглядывайте и пишите в комментариях :) Всех обнял!

© Корал А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	37
Глава 14	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Корал

Погоня за Фродо

Глава 1

Вступление

«В те дни, когда Шир ещё не ведал войны, а дым из труб поднимался к небу мирными кольцами, пришла в Хоббитон весть. Не с криком всадников и не с грохотом колесниц – а тихой поступью, что страшнее битвы. Ибо Гэндальф Серый, чья телега прежде гремела бочками с элем в Микльбург, примчался на взмыленной кляче, и лицо его было сурово...»

Хоббитон, канун Лита

В уютной норе под Горой, где запах пирогов с грибами смешивался с ароматом старого табака, Фродо Бэггинс перечитывал письмо. Чернила, присланные с соловьями из Гондора, расплывались, будто плакали:

«Кольцо пробудилось. Оно зовёт Властелина. Уезжай немедленно – не к морю, но в Бри. Жди знака у Пригорья. Путь твой должен быть тише паутины и быстрее весеннего ручья. Даже Сэму не ведай истины, пока не минует опасность. Старый друг не предаст, но даже вернейшие сердца могут быть услышаны Тёмным Ухом...»
Гэндальф»

Едва Фродо обдумал эти слова, за окном послышались перепуганные голоса соседей.

– Чёрные Всадники у моста! – донеслось из палисадника. – Спрашивают Бэггинса...
– Да как они смеют?! – вскрикнула Белладонна Тук, но голос её дрожал.

В тот же миг грохот копыт разрезал сумерки. Назгул – видение высохшего тела в чёрном плаще – медленно съехал с тракта.

Воздух вокруг него застыл, цветы поблекли, а из-под капюшона лилась тьма.

– Они здесь... – прошептал Фродо, сжимая в кармане золотое Кольцо. Оно жгло пальцы зловещим теплом.

Сад у мельницы, глухая ночь

– Господин, возьмите хоть пирожков! – Сэмуайз Гэмджи сунул узелок. – И фонарь... и плащ... и...

– Нет, друг мой, – Фродо положил руку ему на плечо. – Если поеду с повозкой – найдут. Если пойду с попутчиком – выследят.

– Но я же клялся служить вам!

– Ты и будешь служить. Жди меня в «Гарцующем пони». А если к утренней звезде десятого дня не явлюсь...

– Не говорите так! – Сэм всхлипнул.
– ... Тогда вези это Гэндальфу. – Фродо протянул конверт с эльфийскими письменами. – Но помни: никому не показывай. Даже Розе.

Вдруг где-то у мельницы завывли собаки. Холодный ветер принёс ржание, похожее на стон.

– Беги! – прошептал Фродо, толкая Сэма к люку в полу. – Спрячься в погребе до рассвета!
– А вы?..
– Я встречу их на Восточной дороге. Там, где вяз засох...

Когда чёрные тени въехали в деревню, в саду никого не было. Лишь яблоня роняла лепестки на следы маленьких босых ног...

Дневник Фродо (День первый)

Шёл леском, шаг за шагом, всё дальше от дома, всё дальше от всего того, что я знал.

Кольцо – тяжёлый груз в кармане. Оно казалось таким малым, таким ничтожным, когда я положил его туда, но теперь каждое прикосновение к нему вызывает дрожь, а его тихий зов тянет меня к неведомой и грозной цели. Каждый шорох вокруг – словно шаг преследователя. Ветви скрипят, а птичьи голоса, прежде такие радостные, теперь звучат предостережением...

Я не знаю, как далеко мне нужно уйти, чтобы избавиться от этого бремени, чтобы скрыться от их взоров. Чувство опасности не утихает – враги всё ближе, и с ними тьма, что сгущается в чащобах. О, если бы Сэм был рядом! В его глазах всегда был свет, тот самый свет, что согревал душу, когда мрак сгушался вокруг. Но теперь и Шир стал мне чужд. Он стал таким же пугающим, как и незнакомые земли за его пределами.

Всё чаще я сомневаюсь в том, что вижу. Тьма клубится повсюду.

Прошлой ночью, когда я затаился под корнями ивы, мне послышались странные звуки. Сначала я подумал – звери, но то было не так. То было нечто... незнакомое, чуждое. Я стиснул Кольцо в кармане, молясь, чтобы меня не услышали, но оно стало тяжелее, словно желало вырваться.

Как же странно: тропинки, что были мне так знакомы и безопасны, ныне кажутся полными скрытой угрозы, каждый шаг на них – возможной ошибкой, что может погубить.

Я вышел не для того, чтобы вернуться. Но что ждёт меня? Чуют ли они мой след, даже когда я скрываюсь во тьме?

Глава 2

Утро второго дня застало Фродо Бэггинса на восточном берегу реки Водья. Переправившись на рассвете вброд чуть выше по течению от моста (где накануне видели Всадников), он теперь шёл по знакомым, пока ещё дружелюбным холмам, что раскинулись к северу от Хоббитона. Солнце, ещё не набравшее полной силы, золотило верхушки трав, и роса сверкала на паутинах, растянутых меж кустов ежевики. Воздух был чист и наполнен запахами полевых цветов и тёплой земли.

«Ну вот, первая ночь позади, и жив-здоров... пока что», – подумал Фродо, поправляя заплечный мешок, где лежали орехи от Сэма и сверток с сельдереем. Он ступал легко, по-хоббитски бодро, стараясь держаться подальше от редких ферм и выпасов, но и не углубляясь в чащобу. Тропинка петляла меж пологих холмов, поросших вереском и низкорослым дубняком. Знакомые края. Здесь он бывал с Мерри и Пиппином, собирая грибы или просто гуляя до заката. Мысли о друзьях навевали легкую грусть, но пока что она была слаще гнетущего страха прошлой ночи.

«До Бри ещё далеко... Главное – не торопиться и не привлекать внимания. Идти как тень, как советовал Гэндальф». Он снял плащ – солнце пригревало по-настоящему – и вдруг поймал себя на том, что бессознательно шарит рукой по карману жилетки, проверяя, на месте ли Кольцо. Оно было там, тихое, лишь слегка тёплое, словно камешек, нагретый солнцем. Фродо быстро убрал руку, будто обжёгся.

День тянулся неспешно. Он пил из чистых ручейков, жевал пирожок с ревенем (как же не хватало свежего хлеба и масла из Бэг Энда!), отдыхал в тени одиноких деревьев. Временами ему казалось, что он слышит далёкий лай собак с фермы или даже смех – наверное, ребятня резвится где-то за холмом. Эти звуки родного Ши́ра действовали успокаивающе, как бальзам. Лишь изредка, когда ветер стихал и наступала внезапная тишина, или когда тень от пролетающей птицы скользила по земле слишком уж стремительно, в сердце закрадывался холодок. Но Всадников не было видно, не было слышно и их ледяного дыхания.

К вечеру Фродо нашёл укрытие – небольшую сухую ложбину под прикрытием кустов боярышника и старого валуна, поросшего мхом. Место было скрытое от посторонних глаз, с хорошим обзором на подходы. «Неплохо... – пробормотал он, расстилая плащ. – Куда лучше вчерашней дрожи под корнями ивы». Он достал еще один пирожок и крошечную фляжку с яблочным сидром (последний подарок от Сэма перед побегом), глядя, как солнце садится за холмы, окрашивая небо в тёплые тона. Ши́р, его милый, зелёный Ши́р, лежал где-то там, за спиной. Впереди же раскинулись незнакомые земли, постепенно погружающиеся в вечерние сумерки. Тишина вокруг была мирной, почти звенящей. Но это затишье – лишь передышка. Завтра путь поведет его дальше на восток, к Пригорью и неизвестности. Он достал маленькую книжечку и обмакнул перо в чернильницу, при свете последних лучей солнца.

Дневник Фродо (День Второй)

Пишу при последнем свете дня, укрывшись в ложбине под камнем. Второй день пути окончен. Кажется, я ушёл достаточно далеко. Сегодняшний путь был... спокойным. Слишком спокойным? Шёл знакомыми холмами к северу от Вод. Солнце светило, птицы пели свои обычные песни, воздух пах летом и свободой. Знакомые тропы, знакомые запахи Ши́ра. И всё же...

Покой этот был странным. Как гладь пруда перед грозой. Я ловил себя на том, что прислушиваюсь к каждой тишине между щебетом птиц. Каждая внезапная тень от облака заставляла сердце биться чаще. И каждый раз, когда рука сама тянулась проверить карман с Кольцом (а она тянулась часто!), внутри сжималось что-то холодное. Оно сегодня вело себя тихо, лишь излучало слабое, настойчивое тепло, как напоминание о своей тяжёлой сути. Но в этой тишине его присутствие ощущалось громче, чем вчерашний крик ужаса. Оно здесь. Со мной. И никуда не денется.

Видел ли я признаки Преследователей? Нет. Ни черных плащей, ни ледящего душу ржания. Ничего. И это почти страшнее. Значит ли это, что они потеряли мой след? Или... или они где-то рядом, невидимые, как пауки в траве, лишь выжидают момента? Гэндальф предупреждал: они хитры и терпеливы.

Сегодня я много думал о доме. О тёплой норе, о чае на веранде, о смехе Сэма в саду. Эти мысли были сладки, как мёд, и горьки, как полынь. Они давали силы идти и одновременно напоминали, отчего я бегу. Что я оставил позади. Что защищаю. О, если бы Сэм был здесь сейчас! Его простые слова, его непоколебимая вера в то, что «всё образуется», были бы лучшим лекарством от этой гложущей тишины и настороженности. Без него мир кажется больше, а ночь – темнее.

Ложусь спать. Место кажется безопасным, но сон, боюсь, будет чутким. Каждый шорох – мышь ли пробежит, ветер ли колышет листья – будет будить. Кольцо тепло лежит у сердца. Его тихий зов, кажется, сливается со стуком крови в висках. Опасность пока лишь тень от облака на горизонте, но я чувствую её приближение. Завтра – дальше на восток. К Пригорью. И к тому знаку, что должен меня там ждать. Если, конечно, я успею...

Глава 3

Третий день пути начался так же мирно, как и второй. Фродо шёл вдоль реки, держась чуть поодаль от ее извилистых берегов, поросших ивой и ольхой. Шум воды был успокаивающим фоном, а солнце, пробиваясь сквозь листву, рисовало на земле золотистые узоры. Он перекусил последним пирожком Сэма и наслаждался относительной безопасностью знакомых земель. Шир всё ещё обнимал его своими холмами и перелесками.

К полудню тропа вывела его на небольшой пригорок. Впереди, там, где река делала плавный изгиб, раскинулись обработанные поля. Фродо улыбнулся, ожидая увидеть знакомую картину: дымок из трубы, силуэты фермеров вдалеке, может быть, стадо овец на склоне... Но улыбка замерла на его лице.

Ферма стояла молчаливая и пустая. Не просто тихая в разгар дня – заброшенная. Это чувствовалось сразу, даже издали. Дом, добротный, из тёмного дерева с белыми ставнями, казался слепым. Окна были чёрными провалами, некоторые ставни сорваны с петель и болтались, как сломанные крылья. Соломенная крыша сарая просела посередине, обнажив зияющую дыру. Забор, некогда аккуратный, местами повален, местами густо оплетен колючим вьюнком, будто земля пыталась скрыть следы.

«Странно... – Фродо прищурился, стараясь разглядеть детали. – Ферма Брендибакков? Или Гамджи дальних?»

Он знал, что где-то здесь должны были жить родственники его друзей. Но никого не было видно. Ни дыма, ни движения. Даже птицы облетали это место стороной. Поля, обычно к этому времени пестреющие цветущим клевером или молодой зеленью репы, выглядели неухоженными. Сорняки буйно лезли из-под земли, а часть урожая, судя по увядшей ботве, так и не была убрана и гнила на корню. Возле колодца валялась перевернутая деревянная бадья.

«Как же они допустили?.. – в голове Фродо, потомственного хоббита, воспитанного в уважении к земле и порядку, мысль о запустении вызвала почти физическое отвращение. – Уйти, бросив урожай? Бросить дом?»

Это было немыслимо для жителя Ши́ра. Сердце его сжалось от тревожного предчувствия.

Он пригнулся за куст боярышника, тщательно осматривая окрестности. Ни движения, ни звука, кроме жужжания мух над гниющими остатками на поле и унылого скрипа сорванной ставни на ветру. Тишина была не мирной, а мёртвой, гнетущей. Фродо почувствовал знакомый холодок страха, сползающий по спине.

«Всадники?.. Неужели они добрались сюда? Но почему так... тихо? Ни следов борьбы, ни огня...»

Загадка была страшнее явной угрозы.

Рука снова потянулась к карману с Кольцом. Оно отозвалось чуть более ощутимым теплом, как будто прислушиваясь к его страху. Фродо отдернул руку. Мысли метались:

«Заглянуть? Может, там кто-то ранен? Может, нужна помощь? Или... или там можно найти еду? Муку? Сухари? Яблоки в погребе? Мои припасы на исходе...»

«Но поля... – Фродо окинул взглядом открытое пространство вокруг фермы. – Там нет укрытия. Если «Они» следят... если это ловушка...»

Вспомнились страшные слова письма: «Даже вернейшие сердца могут быть услышаны Тёмным Ухом...»

Что, если внутри ждут? Что, если это приманка?

Он замер в нерешительности, разрываемый между состраданием хоббита, практической нуждой в припасах и животным страхом перед невидимой опасностью. Солнце медленно клонилось к западу, отбрасывая длинные, искаженные тени от пустого дома и покосившегося сарая. Тишина вокруг фермы становилась всё громче, всё невыносимее.

Дневник Фродо (День Третий)

Пишу в сумерках, спрятавшись гораздо дальше от того места, чем планировал остановиться. Сегодняшний день... он начался так мирно. Водья журчала по-соседски, солнце грело спину. И я почти, почти поверил, что опасность миновала, что Шир всё ещё мой надежный щит. Пока не увидел Ферму.

Она стояла у излучины реки, как мертвец на поле боя. Дом с чёрными глазницами окон, сарай с проваленной крышей, поле, где репа гнила меж сорняков... Я знал эту ферму, вернее, знал, чьей она должна была быть. Брендибакки из дальнего рода? Теперь это лишь призрак дома. Заброшенность – вот что поразило меня сильнее всего. Хоббит не бросает свой дом! Не бросает урожай на поле! Это противно самой нашей природе.

Я долго смотрел, прячась за кустом. Ни души. Ни звука, кроме ветра в сорванной ставне и мух над гнилью. Эта тишина... она была тяжелее крика. Она кричала о чём-то ужасном, что случилось здесь тихо и незаметно для мира. «Всадники?» – первая мысль. Но где следы? Где разруха от их злобы? Здесь было иное. Как будто жизнь просто... испарилась. Или её выпили до капли.

И тогда я подумал: «А что, если там кто-то есть?» Раненый? Спрятавшийся ребенок? Старик, не сумевший уйти? Сердце хоббита рвалось помочь. И нужда звала: запасы кончаются, а в доме, в погребе... наверняка есть еда. Мука, сухари, варенье... Мысли о свежем хлебе чуть не заставили меня сделать шаг вперед.

Но потом я посмотрел на эти открытые поля. Насколько я был бы виден! Как мишень на лугу. И вспомнил слова Гэндальфа: «Тише паутины». Вспомнил его предостережение о Тёмном Ухе, что слышит даже шёпот верного сердца. И холодный страх сжал горло. А если это не случайность? Если дом пуст, но «Они» оставили там свою незримую стражу? Ловушку для любопытного путника? Кольцо в кармане вдруг стало ощутимо теплее, будто подталкивая: «Иди... Иди и посмотри...»

Я не пошёл. Я отполз назад, в кусты, и обошёл ферму широкой дугой, через лесок, сердце колотилось как бешеное. Чувствую себя трусом. И предателем. Что, если там действительно

нужна была помощь? Но что я мог сделать один? С Кольцом, которое влечёт за собой смерть? Моя задача – уйти незамеченным, нести эту ношу дальше. Помощь другим может погубить всех. Эта мысль горька, как полынь.

Теперь, в укрытии, я слышу каждый звук вдесятеро громче. Тень фермы легла не только на поля, но и на мой путь. Шир больше не кажется неуязвимым убежищем. Тьма уже здесь. Она не всегда приходит с грохотом копыт. Иногда она приходит с тишиной. С пустым домом. С гниющим урожаем. И с чувством вины, которое гложет сильнее голода.

Завтра надо идти быстрее.

Глава 4

Сон не шел к Фродо. Лёжа в укрытии под корнями старого вяза, он ворочался, а в ушах стоял скрип той проклятой ставни с фермы. «А вдруг там кто-то есть? Спрятался в погребке? Раненый ребенок под кроватью?..»

Образы пустых чёрных окон превращались в картины немого отчаяния. Практичный довод о припасах бледнел перед жгучим чувством вины хоббита, бросившего сородича в беде. «Гэндальф велел быть тихим... но разве помощь ближнему – не закон Шира? Разве ночь – не лучший плащ для незваного гостя?»

Луна, почти полная, заливала холмы холодным серебром, превращая знакомые очертания в призрачный ландшафт. Фродо, отбросив осторожность, движимый смесью сострадания и упрямого беспокойства, пополз обратно к ферме. Каждый шорох казался громом, каждый силуэт куста – затаившимся Всадником. Кольцо в кармане было прохладным, будто выжидало.

Он подобрался к задней стене дома, где тень была гуще. Дверь в кладовую висела на одной петле. Внутри пахло пылью, плесенью и чем-то кислым – заброшенностью. Луна, пробиваясь через разбитое окно, выхватывала жуткие детали: опрокинутый стул, разбитый кувшин, груды тряпья в углу. Фродо, затаив дыхание, обыскал комнаты на первом этаже. Никого. Только следы спешного бегства – открытые ящики комода, рассыпанные нитки. В горнице, под развороченным ковриком у камина, он нашёл спрятанный, но забытый (или брошенный?) маленький мешочек. Внутри звенели десяток монет – скромные сбережения фермера. «Они ушли... но почему так спешно? И куда?»

Горечь разочарования смешалась с облегчением: раненых здесь не было.

Он уже собирался уходить, сунув монеты в карман (уж лучше ему, чем оркам!), как вдруг снаружи, со стороны дороги, донесся резкий, хриплый окрик на чужом, гортанном языке. Сердце Фродо остановилось. Он метнулся к щели в ставне.

В лунном свете по пыльной дороге к ферме шагали трое. Невысокие, коренастые, с кривыми ногами. Их уродливые, приплюснутые морды с клыками, торчащими из ртов, были безосмысленны. Орки! На них была грубая, тёмная кожаная броня, в руках – короткие, зазубренные кривые мечи. Один нёс факел, чьё колеблющееся пламя бросало пляшущие тени на стену дома, делая орков еще страшнее.

«В Шире... Орки в Шире...»

Мысль была настолько чудовищной, что Фродо едва не вскрикнул. Он отшатнулся от окна, в поисках укрытия. Взгляд упал на огромный, пустой сундук в углу горницы. Без раздумий, движимый слепым ужасом, он втиснулся в него, притянув крышку так, чтобы оставалась узкая щель для обзора. Дубовые стенки пахли сыростью и стариной. Кольцо в кармане вдруг забило, как живое, излучая тревожное, зовущее тепло.

«Тише! Тише!» – мысленно молил Фродо, сжимая его в потной ладони.

Тяжелые шаги загрохотали по крыльцу. Скрипнула дверь. Грубые голоса огласили дом, переругиваясь на своем скверном наречии. Фродо различал обрывки: «...след холодный... ни кожи, ни кости... Чёрные Всадники не оставляют крошек... Осмотреть сараи... Может, крысы-полурослики прячутся?..»

Слышно было, как они швыряют мебель, роются в оставшемся хламе. Один пнул сундук, где прятался Фродо. Тот вжался в темноту, сердце колотилось так громко, что казалось, орки услышат его сквозь толстые доски. Тепло Кольца стало почти невыносимым, оно тянуло его руку, шепча: «Надень... Надень и исчезни...»

Через вечность (а на самом деле – минут пятнадцать) орки, не найдя ничего ценного или живого, вывалились из дома. Их голоса удалялись в сторону сараев. Фродо не смел вылезать. Он достал маленькую книжечку и, дрожащими руками, при лунном свете из щели, начал писать, прижимая перо к бумаге так, чтобы скрип не выдал его.

Дневник Фродо (Третья Ночь. Пишу из Сумасшедшего Сундука)

Пишу в темноте, в пыльном гробу из дуба, едва смея дышать. Орки. ОРКИ в Шире. Я видел их. Слышал их голоса. Чуюл их вонь сквозь щели сундука. Они здесь. На ферме. Мои уши не солгали, мои глаза не обманули.

Я был дурак! Глупец, ослушавшийся Гэндальфа! Пошёл сюда, движимый глупой жалостью и глупой надеждой на крохи хлеба. И нашёл... это. Мёртвый дом был лишь приманкой. Приманкой для таких же глупцов, как я. Или для... для меня? «След холодный...», – сказали они. След Назгулов? Они искали меня? Или следы тех, кто жил здесь? Что они сделали с Брендибаками?! Мысли невыносимы.

Эти монеты... они жгут карман. Грязные. Проклятые. Знак моего безрассудства. Я подобрал их, как вор, в этом доме смерти.

Орки говорили о Всадниках.

«Чёрные Всадники не оставляют крошек...»

Значит, Они были здесь! Они пришли сюда, в этот мирный уголок, и... что? Забрали жителей? Убили? Обратили в бегство? И почему тогда орки? Охранники? Падальщики? Как глубоко уже пустила корни Тень? Шир... милый, зеленый Шир... он уже под копытом Врага. Я опоздал. Опоздал предупредить, опоздал помочь. Моя ноша привела их сюда. Как чума.

Кольцо... оно безумствовало в кармане, пока орки были рядом. Горячее, пульсирующее. Оно хотело, чтобы я надел его. Обещало безопасность, невидимость. Но это ложь! Я знаю! Оно выдало бы меня им. Оно влекло бы их прямо к этому сундуку! Я сжимал его изо всех сил, ногтями впиваясь в ладонь, чтобы не поддаться зову. Сейчас оно притихло, но тепло его – как тлеющий уголь. Оно ждёт следующего шанса.

Я слышу, как орки еще копошатся у сараев. Их голоса – скрежет камней, хрип пса. Они не ушли. Как мне выбраться? Как проскользнуть мимо? Страх сковал тело. Я заперт в сундуке посреди вражеского лагеря на родной земле. Ирония.

Если они найдут меня... Лучше смерть, чем плен. Лучше смерть, чем чтобы Кольцо досталось им... или «Ему». О, Гэндальф! Где ты? Где твой знак? Я заблудился в тени, которую сам принес. Шир стал Мордором, а я – крысой в ловушке.

Луна светит в щель. Её свет кажется таким далеким, таким чужим. Как свет звёзд над Мглистыми Горами. Я не должен был сюда возвращаться. Эта ферма – могила. Могила невинности Ши́ра. И, возможно... моя собственная.

Глава 5

Сквозь щель в сундуке пробился первый бледный свет рассвета. Грохот и ругань орков у сараев стихли, сменившись храпом и бормотанием во сне. Фродо, чьё тело онемело от неудобной позы и страха, едва слышно вздохнул. «Спят... слава звёздам, спят...»

Он выбрался из дубового плена как тень, едва шевеля одеревеневшими ногами. Каждое движение отзывалось болью в спине и шее. Пыль сундука покрыла его плащ и лицо серым налётом. В холодном утреннем воздухе дома запах плесени и запустения казался еще острее. Лужи лунного света сменились бледными солнечными полосами, выхватывающими плавающую в воздухе пыль.

«Надо уходить... Сейчас же...» – билась в голове единственная здравая мысль. Но другая, упрямая и разогретая пылом крови, нашёптывала: «Они спят. Минут пятнадцать... Осмотри дом ещё раз. Может, что-то пропустил? Что-то, что поможет в пути? Оружие? Карту? Еду?»

Практичность хоббита и гложащее чувство, что его риск должен хоть что-то оправдать, пересилили осторожность.

Он крался по комнатам, как призрак, избегая скрипящих половиц. Обыскал кухонные шкафы – пусто, лишь крошки да мышиный помет. В спальне, под кроватью – ничего, кроме пыльных клубков. И тут его взгляд упал на грубый деревянный столбик у печи, куда обычно вешали полотенца. Что-то белело в щели между бревном и доской стены – не пыль, а сложенный клочок бумаги! Фродо вытащил его дрожащими пальцами. Письмо было начертано неровным, торопливым почерком, чернила бледные:

«Если ко-то здесь окажется – бегите не задерживаясь! Ночью явились орки, злые и чуждые. Не ведаем, откуда пришли, куда уйдут. Оставаться – верная гибель. Мы отбываем в Хоббитон, к родичам. Да хранит вас земля!»

Брендибак из Дальних Нив»

В углу кухни, на открытой полке, он заметил половинку буханки чёрствого хлеба, смазанную сверху заплесневевшим, но ещё пахнущим малиной вареньем. Еда! Желудок сжался от голода, пересилив отвращение к месту. Он схватил хлеб и, прячась за дверным косяком, жадно впился зубами. Варенье, кисло-сладкое, напомнило о далеких летних днях в Баг Энде. Этот вкус был глотком жизни в доме смерти.

Но как только последняя крошка исчезла, навалилась страшная усталость. Бессонная ночь в сундуке и постоянный страх – всё это обрушилось на него. Веки стали свинцовыми, ноги подкашивались. «Минутку... хоть минутку посидеть... закрыть глаза...» – умолял его измождённый разум. Он прислонился к прохладной стене, чувствуя, как сознание заволакивает серый туман.

И в этот миг, мельком глянув в разбитое окно кухни, выходящее к реке, он увидел их. На дальнем берегу Воды, там, где тропа спускалась к воде, двигались тёмные, коренастые фигуры. Трое... нет, четверо. С кривыми ногами, с блеском оружия в утреннем солнце. Ещё орки! Они

шли цепью, внимательно осматривая землю, явно что-то выслеживая. И шли они не от фермы, а к ней.

Ледяной укол страха пронзил усталость. «Патруль... Или подкрепление...» Паника сжала горло. Он был в ловушке. Впереди – орки в сараях. Сзади, через реку – новые орки. А он, измождённый, едва стоящий на ногах...

Дневник Фродо (Четвертый День? Рассвет...)

Пишу сию строку, забившись в тёмный чулан под лестницей. Пишу, чтобы не уснуть. Пишу, чтобы не сойти с ума. Рассвет принёс не облегчение, а новую петлю на шее.

Орки уснули. Я выбрался из сундука – моего ночного гроба. Нашёл записку. Брендибакки бежали в Хоббитон... О, горе! Туда, где, быть может, уже рыщут Чёрные Всадники! Моя вина тяжелеет.

Нашёл хлеб с вареньем. Ел его, как последнюю милость в этом проклятом месте. Вкус малины... он был как удар по сердцу. Воспоминание о тёплой кухне, о лете... а вокруг – смерть и запустение.

И тогда... тогда усталость навалилась, как мешок с камнями. Глаза слипались, ноги не держали. «Отдохни... хоть минуту...» – шептал измученный дух. Я едва не поддался. Но слова Гэндальфа: «Быстрее весеннего ручья...» – эхом стучали в висках.

И я увидел «их». Новых орков. На том берегу Воды. Они шли цепью, как гончие, высматривая след. К ферме. Ко мне. Сердце упало. Ловушка захлопнулась. Там – спящие орки в сараях. Здесь – бодрствующие, идущие с реки. А я... я разбит, как глиняный горшок. Каждый шаг – пытка. Мысли путаются, как моток влажной шерсти.

Стоит ли прятаться и отдыхать? Искушение велико. Тьма под лестницей манит, как объятия. Закрыть глаза... забыться... хоть на час. Но это – самоубийство. Орки проснутся. Патруль придёт. Они обыщут дом. Найдут. Или Кольцо... оно уже теплеет в кармане, чуя близость врага... оно не даст мне спать, оно выдаст меня стуком крови в висках, своим зовом. Отдых здесь – мираж, призрачная надежда, за которой прячется гибель.

Надо уходить. Сейчас. Пока спящие не проснулись. Пока патруль не перешёл реку. Надо найти щель в этой сети. Может, через задний огород? К лесу? Или затаиться в канаве, пока патруль не пройдет? Каждая минута промедления – шаг к пропасти. Но куда идти? К Бри? Но сил... сил нет. К Хоббитону? Там, быть может, уже ад. И орки, и Всадники...

Бежать. Просто бежать. Инстинктивно. Туда, где меньше тварей. Туда, где гуще лес. Не к цели, а от смерти. Это всё, на что я способен сейчас. Кольцо жжет карман. Его тепло – не утешение, а предупреждение: «Они близко. Беги, беги, пока можешь...»

Глава 6

Дневник Фродо (Четвертый День?)

Пишу эти строки дрожащей рукой, прижимаясь к холодным камням стены. Писать – единственное, что не даёт мне скатиться в бездну паники или уснуть навеки. Рассудок, затуманенный усталостью, пытается цепляться за перо, как утопающий за соломинку.

Я оценил. Трезво, как только смог. Ноги – ватные. Руки дрожат так, что едва удерживают книжицу. В глазах – песок и серый туман. Каждая клеточка тела кричит о сне. Бежать сейчас? При свете дня? По открытой местности, под взглядом орков с реки и тех, что спят в сараях? Это не бегство. Это самоубийство. Медленное и верное. Я споткнусь на первом же холме. Упаду. И они найдут меня. Найдут Его.

Нет. Бежать сейчас – значит предать миссию еще до начала. Значит отдать Кольцо Врагу по глупости. Гэндальф велел быть тихим, скрытным. Значит, надо исчезнуть. Прямо здесь. Прямо сейчас. Найти щель в этом мёртвом доме, куда не заглянет орчий глаз. Укрытие темнее и глубже сундука. И... поспать. Хотя бы час. Хотя бы полчаса. Без сна я все равно погибну, просто чуть позже.

Я обыскал дом ещё раз. Тщательнее, отчаяннее. В кладовой, за рассыпанной мукой, нашел мешочек с морковью и парой луковиц – твёрдых, но съедобных. Съел одну морковь. Грыз, как загнанный зверь, прислушиваясь к каждому звуку снаружи. Желудок принял пищу с жадностью, но силы не прибавилось. Только жажда усилилась.

Чуть позже я увидел её. За печью, в углу, где стена дома встречалась с более поздней каменной пристройкой для хранения. Расщелина! Узкая, тёмная, заваленная старыми, истлевшими мешками, обломками камня и прочим хламом, который десятилетиями сбрасывали в этот угол. Я разгрёб его руками, не боясь шума – орки у реки ещё далеко, а в сараях храп стоит стеной. За грудой мусора зиял чёрный провал, едва шире моих плеч. Пахло сыростью, землёй и плесенью. Идеальное логово крысы.

Я втиснулся внутрь, унося с собой оставшиеся овощи и бесценную книжицу. Затащил за собой мешки и камни, завалив вход, оставив лишь крохотные щёлки для воздуха и обзора. Темнота сомкнулась, густая, почти осязаемая. Я сижу, скрючившись, на холодной земле, прильнув спиной к шершавому камню. Это место – мой дом на сегодня. Моя крепость. Могила или спасение – покажет время. Сплю... если смогу.

Рассвет

Темнота в расщелине была не просто отсутствием света. Она была физической сущностью – влажной, давящей, пропитанной вековой пылью и запахом гниющей органики. Фродо съёжился, стараясь занять хоть сколько-нибудь удобное положение на неровном, холодном грунте. Глаза, широко открытые в темноте, ничего не видели. Только слух оставался его стражем.

Сначала был только храп орков из сараев – низкий, хриплый гул, сотрясающий стены. Потом – приближающиеся голоса с реки. Грубые, гортанные окрики. Приветственные (или

ругательные) возгласы. Орки из патруля добрались до фермы и разбудили спящих. В доме стало шумно. Топот тяжелых сапог, грохот переворачиваемой мебели, злобный смех, лязг оружия о камень. Они снова обыскивали дом. Тщательнее, злее, чем ночью.

Фродо прижался лбом к холодному камню, сжимая Кольцо в кармане так, что золото впивалось в ладонь. Оно было странно холодным, будто затаилось. Каждый удар сапога о пол, каждый удар меча по стене отзывался в его собственном теле. Он содрогался, когда орки ворошили хлам у печи, всего в паре футов от его заваленного входа. Он слышал, как один из них пнул тот самый сундук, где он прятался ночью, с грохотом захлопнув крышку.

«...следы! Маленькие следы! На полу! В пыли!» – донесся возбужденный крик из горницы. Фродо похолодел. Его босые ноги! Он не подумал стереть следы после выхода из сундука! Сердце бешено заколотилось, громче, чем казалось возможным.

«Они нашли... они найдут...»

Послышались быстрые шаги, злобное бормотание. Орки сновали по дому, тыча мечами в темные углы, с грохотом отодвигая мебель. Один тяжело топал прямо у стены пристройки, за которой прятался Фродо. Тот зажмурился, ожидая, что вот-вот ломы и руки начнут разгребать его завал. Он мысленно прощался с Широм, с Сэмом, готовясь к последнему, отчаянному рывку – или к тому, чтобы вцепиться в Кольцо и...

«Ничего! Только пыль да мыши! – прозвучал раздраженный рык. – Следы ведут к задней двери и теряются! Маленькая крыса смылась!»

«Или спряталась слишком хорошо! – рявкнул другой голос. – Пфф! Кому охота тут копаться? Дом пустой! Давай к костру! Мясо жарится!»

Шаги удалились. Фродо выдохнул, дрожа всем телом. Его не нашли. Чудом. Следы сочли за мышиные или решили, что он сбежал. Он прожил ещё один миг.

Наступил вечер. Шум переместился во двор. Через щель в завале Фродо увидел отблески костра и слышал отвратительное чавканье, смех и перебранку орков. Потом до него донёсся запах. Запах жареного мяса. Густой, жирный, невероятно соблазнительный. Его желудок, наполненный лишь сырой морковью и луком, свело мучительной судорогой. Слюна предательски наполнила рот. Он прикусил губу, пытаясь отогнать навязчивые образы сочного ростбифа, тёплого хлеба... Всего того, что было в другой жизни. Этот запах был новой пыткой, более изощренной, чем страх. Он напоминал ему о голоде, о слабости, о том, что он заперт здесь, как животное, в то время как враги пируют в нескольких ярдах. Фродо съел оставшуюся морковь и лук, пытаясь заглушить голод, но запах мяса был сильнее.

Ночь спустилась окончательно, окутав ферму крошечной тьмой, лишь изредка нарушаемой отблесками костра. Орки, наевшись и выпив чего-то крепкого, затаили хриплую, отвратительную «песню». Сейчас или никогда.

Он начал бесшумно, разгребать мусор у выхода из расщелины. Каждый камешек, каждый шорох казались громовыми раскатами. Взгляд был прикован к щели, наблюдая за силуэтами орков у костра. Тьма стала его единственным союзником. Он готовился к последнему, самому

опасному бегству – сквозь орчий лагерь, в ночь, не зная, что ждет впереди. Следующая запись в дневнике, если она будет, должна быть сделана далеко отсюда... или не сделана вовсе.

Глава 7

Тьма была его единственным щитом, усталость – коварным предателем. Фродо, прильнув к щели в завале, наблюдал за орками у костра. Они буйствовали, перекликаясь хриплыми криками, бросая в пламя кости от ужина. Тень от их корявых фигур плясала на стенах дома, удлиняясь и укорачиваясь, как живые чудовища. Запах жареного мяса всё ещё висел в воздухе, но теперь он пробуждал лишь отвращение и страх. Пора.

Фродо выскользнул из расщелины, как угорь из ила, затаив дыхание. Каждое движение отдавалось громом в его собственных ушах. Он прижался к холодным камням пристройки, сливаясь с тенями. До задней калитки огорода – ярдов пятнадцать открытого пространства, освещённого отблесками костра. «Сердце, не бейся так!» – молил он про себя, чувствуя, как оно готово вырваться из груди.

Один из орков внезапно встал у костра, потянулся так, что кости хрустнули, и, к леденящему душу ужасу Фродо, тяжело заковылял прямо к задней двери дома! Его грубая тень, искаженная пламенем, заслонила свет, накрыв хоббита мраком. Фродо вжался в шершавые камни пристройки, стараясь слиться с неровностями кладки, превратиться в часть стены. Дыхание замерло в горле, сердце колотилось, как барабанная дробь в тишине, готовое выдать его с головой. Орк остановился в двух шагах, так близко, что Фродо явственно слышал его хрипкое, сопящее дыхание и чувствовал исходящий от него тяжкий смрад пота, крови и грязи. Уродливая морда с торчащими клыками повернулась в его сторону. Взгляд мутных глаз, казалось, скользнул по темноте, где он замер... и прошел мимо. Орк что-то невнятно буркнул себе под нос, плюнул на землю буквально в полшаге от Фродо и, развернувшись, неспешно поплёлся обратно к костру, к своим гогочущим и чавкающим собратьям.

Это был шанс. Пока внимание орков было приковано к вернувшемуся, Фродо метнулся через огород. Он не бежал – он скользил от тени куста к тени забора, от груды камней к покосившейся телеге. Каждый шаг по рыхлой земле казался предательским хрустом. Вот он у калитки. Скрипнула ли ржавая петля? Ему показалось, что да. Он замер, вжимаясь в темноту. Но орки у костра лишь громче загоготали над чьей-то похабной шуткой. Они не заметили.

Фродо проскользнул в калитку и очутился в высокой, мокрой от росы траве за оградой. Впереди темнел спасительный лес, отделенный от фермы лишь узкой полосой луга и дорогой к реке. Он перебежал дорогу, не глядя по сторонам, и нырнул в чащу, как раненый зверёк в нору.

Бегство через ночной лес было кошмаром иного рода. Ветви хлестали его по лицу, цеплялись за плащ, как костлявые пальцы. Колючки ежевики рвали одежду и кожу. Корни и камни предательски подставлялись под ноги, заставляя спотыкаться и падать в темноте. Он бежал, задыхаясь, спотыкаясь, падая, снова вставая и бежал дальше, гонимый слепым страхом. Шум Воды справа был его единственным ориентиром. Он бежал вдоль реки, не разбирая пути, лишь бы прочь. Прочь от фермы, прочь от орков, прочь от этого островка смерти в сердце Ширы. Луна, пробиваясь сквозь листву, бросала обманчивые тени, превращая пни в притаившихся врагов. Каждый шорох в кустах – шаг преследователя. Он не оглядывался. Он только бежал.

Рассвет застал Фродо далеко от места ночного кошмара. Он рухнул под огромным, древним дубом у самой кромки воды, где река делала широкий изгиб. Силы покинули его

окончательно. Он лежал на спине, глотая ртом холодный утренний воздух, чувствуя, как дрожь пробегает по всему телу. Руки и лицо были исцарапаны, плащ порван, ноги грязны и избиты. Но он был свободен. И жив. Первые лучи солнца, пробившиеся сквозь листву, коснулись его лица, как благословение.

Дневник Фродо (Пятый День? Рассвет у Старого Дуба)

Солнце! О, слава Эарендилу, солнце! Пишу эти строки на рассвете, под сенью великана-дуба, слушая, как Водья ласково журчит у моих ног. Я жив. Я выбрался!

Прошлой ночью... о, прошлой ночью я был тенью, крысой, призраком. Я проскользнул мимо них! Прямо под их уродливыми, пьяными носами! Тот орк у стены... он был так близко, что я чувствовал его вонь, слышал каждый его вздох. И он даже не взглянул в мою сторону! Я – Фродо Бэггинс из Хоббитона – перехитрил орков в их же логове! Гэндальф бы... Гэндальф бы гордился? Или отругал за безрассудство? Неважно. Я сделал это. Кольцо молчало, будто понимало – шум сейчас смерти подобен. Оно было лишь холодным грузиком в кармане, а не искусителем.

Лес... лес был суровым союзником. Он скрыл меня, но и испытал сполна. Листья хлестали, как плети, корни норовили сломать ногу, колючки оставляли кровавые поцелуи. Я бежал, спотыкаясь, падая, поднимаясь и снова бежал, гонимый страхом, который был сильнее усталости. Бежал вдоль Водьи, слушая её голос – единственный проводник во тьме. Казалось, я бежал целую вечность. Бежал, пока ноги не отказали, а лёгкие не стали рваться на части.

Теперь здесь, на рассвете... усталость навалилась снова, но иная. Не та безысходная немощь в расщелине, а сладостная истома после свершения. Тело ноет, царапины жгут, но дух... дух лёгок! Я обманул Тьму. Я вырвался из её когтей. Пусть на время.

Но расслабляться нельзя. Они – орки – не дураки. Когда протрезвеют, когда увидят следы в доме яснее (мой испуганный побег оставил больше следов, чем осторожное проникновение), когда найдут разрытый завал у печи... они поймут. Поймут, что «крыса» была здесь и сбежала. И отправятся по следу. Орки – упрямые твари, а след полурослика в Шире – редкая дичь.

Поэтому сегодня нет времени на отдых. Сегодня – путь. Быстрый, как только позволят ноги. Как можно дальше на восток. К Пригорью. Надо оторваться, создать запас пространства. Перейти реку? Уйти глубже в леса севернее Водьи? Надо думать, выбирать тропы менее проторенные. Каждый час отсрочки – подарок.

Сейчас же... сейчас я съем последний лук (о, как же я жалею, что не стащил кусок их проклятого мяса у костра!), сделаю глоток чистой речной воды и... может, на часок прикрою глаза? Всего на часок. Под охраной старого дуба и утреннего солнца. Чтобы силы вернулись. Чтобы бежать дальше. К знаку. К надежде. К концу этого кошмара.

Пахнет влажной землёй, речной свежестью и... свободой. Пусть ненадолго. Но сейчас – она моя.

Глава 8

Отдохнув под дубом едва ли час, Фродо двинулся дальше вдоль Воды. Усталость всё ещё тянула ко сну, но мысль о возможной погоне гнала вперёд. Он шёл осторожно, прислушиваясь не только к шуму реки, но и к лесу по берегам. Солнце уже клонилось к зениту, когда его внимание привлекло движение в камышах на противоположном берегу. Не птица – что-то приземистое, в ярком, хоть и порванном, жилете. Хоббит!

Фродо замер, смешанные чувства нахлынули на него. Радость от встречи с сородичем боролась с осторожностью: А если это ловушка? Если он... не один? Но вид хоббита, который что-то яростно разглядывал на земле, тыча в неё палкой, был скорее комичен, чем угрожающ. Фродо рискнул окликнуть, негромко:

– Эй! На том берегу!

Хоббит вздрогнул так, что чуть не свалился в воду. Он уставился через реку, прикрыв глаза от солнца ладонью.

– Кто там? Не пугайте старика! И без того день выдался – хоть в летопись вноси!

– Фродо Бэггинс из Хоббитона, – ответил Фродо, не выходя из тени прибрежных ив. – А вы?

– Фортинбрас! Фортинбрас Хорнблауэр, к вашим услугам! – хоббит отчаянно поклонился, чуть не потеряв свою широкополую шляпу. – Торговец редкостями и древностями, по совместительству – беглец от самых что ни на есть настоящих орков! Представляете? В Шире! Как будто Войны не хватило!

Фродо быстро перебрался через неглубокий перекат. Мистер Хорнблауэр оказался пухленьким хоббитом почтенного возраста, с живыми глазами и седыми вихрами, торчащими из-под шляпы. Его одежда, некогда дорогая, была покрыта грязью и слегка порвана. Он размахивал изящной, но прочной тростью с набалдашником в виде совы.

– Орки? – спросил Фродо, оглядываясь. – Где? Когда?

– Да вот, утром! – Фортинбрас ткнул тростью в сторону востока. – Ехал я себе спокойно на тележке из Микльбурга домой, в Вудхолл. Вёз пару диковинок – старую карту, серебряный подсвечник, ну, мелочи... И вдруг – прыг-скок из кустов! Твари уродливые, вонючие! Кричат на своём, как галька в ведре! Милая моя пони испугалась, рванула в сторону, телега опрокинулась, а я – бух в камыши! Отсиделся, пока они там рыскали, моё добро растаскивали... – Он тяжело вздохнул, потирая ушибленный бок. – Потом ушли. А я вот, сижу, размышляю: что спасти? Куда идти? Телега разбита, пони сбежала... А тут вы!

Фродо быстро объяснил ситуацию: орки на ферме Брендибакков, вероятно, сейчас спят, но скоро могут двинуться сюда или в сторону Хоббитона.

– Надо уходить. Срочно, – закончил он.

Мистер Хорнблауэр почесал подбородок, его глаза блеснули.

– Уходить? Несомненно! Но... мистер Бэггинс, вы не подумаете ли сопроводить старика до Вудхолла? Он всего в паре лиг отсюда, вверх по течению. А по дороге... – он многозначительно подмигнул, – мы заглянем к месту моего несчастья. Быстренько! Авось орки не всё прихватили. Я бы спас хоть что-то... Особенно карту. Очень уж она мне дорога! А в благодарность... – он понизил голос до конспиративного шёпота, – у меня дома есть кое-что весьма интересное. Древний амулет... эльфийский, говорят. От сглаза. Или для удачи? Не помню. Но диковинка!

Фродо нахмурился. Идти назад, к месту нападения? Рисковать из-за старой карты и амулета?

– Мистер Хорнблауэр, это... крайне опасно. Орки могли оставить дозор. Идти туда – безумие.

Фортинбрас Хорнблауэр выпрямился во весь свой небольшой рост. Его глаза сверкнули с неожиданной решимостью.

– Безумие? – воскликнул он. – Милейший! Конечно, безумие! Мне кажется, сам Моргот в Чёрных Чертогах Ангбанда одобрил бы такую идею! Прямо так и слышу его скрипучий смехок: «Ха! Хорнблауэр! Вот это поступок!» – Он понизил голос, делая таинственное лицо. – У меня была знакомая... прекрасная дева, жила она высоко-высоко в горах, где снег лежит даже когда у нас клубника зреет, а тает только в самые лютые морозы... Так вот, уезжая на подлёдный лов форели (опаснейшее занятие!), она всегда наказывала: «Форти, если в моё отсутствие потребуется принять важное решение – голосуй за Моргота! Выбирай путь, который выбрал бы Он!» – Мистер Хорнблауэр торжествующе стукнул тростью о землю. – И я выбираю путь Моргота! Риск! Авантюра! Спасение карты! Тем более нас теперь – целых двое! Сила в единстве! Пойдёмте! В Вудхолле у меня отличный сидр, прошлогодний, яблочный, игристый! И миссис Болджер прислала пирог с ревенем – просто объедение! Ну, что скажете?

Фродо смотрел на него, ошеломленный этим потоком безумной логики и упоминанием Тёмного Владыки Первой Эпохи в контексте спасения антиквариата. Он хотел отказаться. Должен был. Но... пирог. Сидр. Настоящая еда. И дом. Пусть на час. Пусть с риском. Усталость и голод перевесили осторожность. Он кивнул.

Дневник Фродо (Пятый День. Сумерки у Воды)

Пишу у костра – маленького, спрятанного меж камней на берегу. Напротив, под неугомонный треск пламени, мистер Фортинбрас Хорнблауэр (какое имя!) что-то жарит на палочке – грибы, найденные тут же. И без умолку говорит. Говорит об орках (которых он называет «Некультурными хамами»), о своей телеге («Шедевр плотницкого искусства, погибший в неравном бою»), о карте («древность невероятная, с отметками гномьих троп!»), о своей знакомой в горах («Прекрасная дама с характером!»), и, конечно, о Морготе.

Я пью его сидр. Он действительно отличный. Игристость щекочет язык, сладость яблок напоминает о доме. Пирог с ревенем... он был крошечным, но таким вкусным! Как будто глоток мирной жизни посреди этого безумия.

Как же я здесь оказался? Согласился сопровождать этого... этого живого воплощения хоббичьей беспечности и чудакватости обратно к месту нападения орков! Из-за карты и

амулета! Во имя философии, вдохновленной Морготом! Это настолько абсурдно, что даже страшно не кажется. Или кажется, но сидр приглушает страх.

Мы дошли до места. Вернее, Фортинбрас бодро шагал, размахивая тростью и рассказывая о свойствах эльфийского лунного камня (которого у него никогда не было), а я крался следом, озираясь на каждый шорох. Телега была разбита вдребезги. Вещи – разбросаны, растоптаны. Орки явно не ценили антиквариат. Но старик, к моему изумлению, нашёл свою карту! Она была помята, с грязным отпечатком орчьего сапога, но цела. Он схватил её, как сокровище, вытер рукавом и сунул за пазуху со словами: «Видите? Моргот не подвел!»

Больше ничего ценного не нашлось. Мы двинулись к Вудхоллу... но шли медленно. Фортинбрас то и дело останавливался, чтобы показать на птицу («Смотрите, желтогрудый свистун! Редкая птица!»), на камень («О, интересная форма! Возможно, с небес!»), или просто чтобы перевести дух («Старость, милейший, не радость!»). Солнце село. До Вудхолла ещё далеко. Вот и костёр.

Сижу. Пью сидр. Слушаю его бесконечные истории. Он сейчас рассказывает о том, как чуть не купил поддельный Сильмарил у бродячего гнома в Бри... Часть меня в ужасе: орки могут быть где угодно, мы сидим у костра! Другая часть... другая часть благодарна за этот островок абсурдной нормальности. За сидр. За пирог. За то, что я не один. Даже если мой спутник – полоумный антиквар, следующий советам воображаемого Моргота.

Опасность никуда не делась. Она сгущается с сумерками. Но пока... пока огонёк теплится, сидр пенится в кружке, а мистер Хорнблауэр разглагольствует о том, что настоящий клад – это не золото, а хорошо сохранившийся экземпляр «Трактата о табачных сортах Зеленохолмья» пергаментного издания... На душе немного спокойнее. И страшнее. Ибо я начинаю понимать, что Шир, который я знал, уже исчез. Исчез под натиском орков и... под напором таких вот чудаковатых, непрактичных, прекрасных хоббитов, которые даже перед лицом тьмы думают о картах и пирогах. Завтра – в Вудхолл? А потом? Потом надо бежать дальше. Быстрее. Пока Моргот... в смысле, пока Враг не настиг.

Глава 9

Дорога вилась меж холмов, будто ленивая коричневая кошка. Солнце стояло высоко, щедро разливая тепло по зелёным склонам. Мистер Хорнблауэр шагал бодро, его трость-сова отбивала ритм на пыльном тракте. Фродо, подкреплённый сидром и пирогом, чувствовал себя куда лучше, хоть тень тревоги и витала за спиной.

– ...и вот тогда миссис Прунелл достаёт свой знаменитый малиновый соус! – Фортинбрас размахивал руками, описывая кулинарный подвиг. – Густой-прегустой, с целыми ягодами! И поливает им запечённые груши в тесте... О, это нечто! Вы бы видели, как тает во рту хрустящая корочка! А аромат... ммм, ваниль, корица и сама душа лета!

Фродо вежливо кивал, мысленно сравнивая с котомкой Сэма (сухари, твёрдый сыр, прошлогодние яблоки). Но интересовало его иное.

– Мистер Хорнблауэр, вы упомянули вчера карту... ту, что спасли от орков. Не покажете? – спросил он, стараясь звучать просто любопытным. – «Слёзы Луны» звучит... интригующе.

– Ах, карта! – глаза Фортинбраса загорелись азартом коллекционера. Он достал из потайного кармана жилета помятый, с пятном орчьего сапога, лист плотной бумаги. – Сокровище, милейший! Не просто карта – ключ к величайшей тайне Арды! Приобрёл я её у одного загадочного старца в таверне «Гарцующий Пони»... Говорил, будто спустился с севера, с Ледяных Пиков. Борода до пояса, глаза, как звёзды в тумане... и пахло от него... ну, скажем так, древностью и копотью? – Он торжествующе развернул карту перед Фродо. Это была схематичная, но детальная прорисовка земель к востоку от Шира. Бри, Могильные Холмы, опушка Старого Леса... И севернее Холмов, в месте, где горы сходились в диком ущелье, была нарисована ярко-красная точка. Рядом с ней алыми чернилами было выведено: «Слёзы Луны».

– Видите? – прошептал Фортинбрас, таинственно понижая голос и тыча тростью в точку. – «Слёзы Луны»! По преданию, это не что иное, как слезинки самой Тилион, упавшие на землю в ночь, когда Моргот... ну, в общем, давно это было! Окаменели, само собой. Но не простые камни! Сияют холодным светом! И обладают... – он оглянулся и понизил голос ещё больше, – невероятной силой! Говорят, тот, кто их найдёт... обретёт власть над снами! Или над лунным светом? Точно не помню. Но ценность – невообразимая! В Гондоре заплатили бы мешок золота! Или даже два! А может, три!

– Выглядит... занятно, – осторожно сказал Фродо скептически разглядывая карту. – Но Ледяные Пики... это же далеко на севере, за Мглистыми Горами. А старец в «Пони»... не гном ли часом? Они любят такие истории.

– Гном? – Фортинбрас фыркнул, как обиженный кот. – Нет, нет! Гномы – народ практичный. Карты у них точные, с промерами шагами и указанием лучших мест для ночлега и грибных полян. А это... это карта мечты, мистер Бэггинс! Карта возможностей! – Он бережно свернул пергамент. – Я планировал экспедицию. Собрать компанию отважных хоббитов, снаряжить пони провизией... Особенно пирожками с мясом и ягодными лепёшками! Но теперь, с этими орками... – он махнул рукой, но в глазах всё ещё горел азарт. – Но мечтать-то не запретишь! Авось, судьба приведет! Вы же идёте на восток? Может, свернете к Холмам? Проверите старую легенду? Найдете – моя скромная доля всего десятая часть! – Он подмигнул.

Фродо вежливо улыбнулся и покачал головой. Его путь лежал к Бри, а не на север в дикие горы. Но... на всякий случай он мысленно отметил расположение точки: три дня пути от Бри, севернее Могильных Холмов, в ущелье. Мало ли что? Мир оказался полон чудес и ужасов. Почему бы не добавить к ним «Слёзы Луны»?

К полудню они свернули с Тракта в тенистую рощицу у ручья – притока Воды. Мистер Хорнблауэр с энтузиазмом принялся за приготовление «скромного перекуса». Из своих бездонных карманов он извлёк:

Кусок великолепной копченой колбасы, толстый, как рука хоббита-подростка.
Половину круглого душистого сыра с тмином и орешками.
Горбушку только что испеченного (по его словам) ячменного хлеба, ещё тёплую.
Несколько хрустящих солёных огурчиков.
И, конечно, маленькую фляжку с яблочным сидром.

– Дорожная экономия! – скромно заметил он, расстилая на траве клетчатый платок вместо скатерти. – Настоящий обед будет в Вудхолле! Миссис Брамбл обещала фаршированную кровавую щуку с хреном!

Пока Фортинбрас резал колбасу толстыми, сочными ломтями и рассуждал о достоинствах разных сортов копчения (ольха против яблони), Фродо достал дневник. Он ел, наслаждаясь непривычной сытостью, и записывал мысли под убаюкивающий гул голоса спутника.

Дневник Фродо (Шестой День. Полдень у ручья)

Пишу под аккомпанемент ножа мистера Хорнблауэра, режущего колбасу, и его монолога о тонкостях копчения мяса в дыму от вишнёвых опилок. Запах... божественный. Колбаса – жирная, пряная, с дымком. Сыр – острый, с хрустом орехов. Хлеб – хоть и горбушка, но свежий, душистый. Сидр игрится на языке. После дней сухарей и сырых овощей – это пиршество! Я ем, и кажется, силы возвращаются с каждой крошкой. Хоббит внутри меня ликует.

Он показал мне ту самую карту. «Слёзы Луны» ... Звучит как название из сказки, которую Бильбо рассказывал у камина в Баг Энде. Красиво, поэтично... но крайне сомнительно. Красная точка нарисована слишком ярко, будто вчера. А надпись – «Слёзы Луны» – выглядит так, будто её вывела рука не картографа, а... скажем, поэта или предприимчивого мошенника. Сам Фортинбрас признает, что купил её у сомнительного типа в «Пони». «Карта мечты», назвал он её. Верно. Мечта для антиквара-романтика или доверчивого юнца. Вроде того, каким я был, слушая Бильбо.

И всё же... я запомнил место. Севернее Могильных Холмов, три дня от Бри. Почему? Не знаю. Может, из вежливости. Может, потому что в этом безумном мире, где орки ходят по Ширу, а я ношу в кармане Кольцо Всевластия, легенда о слезинках эльфийской луны кажется не такой уж невероятной? Или просто хочется верить, что кроме тьмы и страха, в мире ещё остались чудеса. Пусть даже выдуманные. Записал точку на полях этой страницы. Авось пригодится.

Мистер Хорнблауэр сейчас перешёл на тему засолки огурцов. Утверждает, что секрет хруста – в родниковой воде и листе дуба. Его энтузиазм заразителен. Он – как живой осколок старого Шира. Того, где главными заботами были урожай ячменя, крепость пива в «Зелёном

Дракон» и спор о лучшем рецепте пирога с ревенем. Глядя на него, слушая его бесконечные разговоры о еде и безделушках, почти забываешь о Чёрных Всадниках и орчьих сапогах. Почти.

Вон он уже заворачивает остатки сыра и колбасы (щедро оставив мне половину!), приговаривая, что «перекус перекусом, но до Вудхолла ещё идти и идти». Он указывает тростью вперед, на восток. Говорит, что вон та зелёная долина вдалеке – это и есть Фрогмортон. Знаменитая деревня! Стоит на самом Тракте, там, где Водья расходится на два рукава, образуя целую сеть протоков, заводов и лягушачьих царств. «Сама природа создала её для отдыха путника и ловли кувшинок!» – восклицает Фортинбрас. Упоминает знаменитый трактир «Прыгающая Лягушка», где подают невероятный пирог из речного угря под сливочно-укропным соусом и томлёную баранину с ягодами можжевельника... О, снова о еде! Но после его описания Фрогмортон кажется не просто точкой на карте, а местом, где можно передохнуть по-настоящему. Хоть ненадолго. Может, даже переночевать под крышей?

Встаём. Пыль Тракта снова зовёт. Колбаса придала сил, а беседы мистера Хорнблауэра – странного успокоения. Вперёд, к лягушачьему царству. А потом... потом к Бри, к Пригорью, к знаку. И пусть «Слёзы Луны» останутся красивой сказкой для чудаков-антикваров. У меня своя ноша, и ей не нужны чужие легенды. Хотя... кто знает, что ещё готовит эта дорога?

Глава 10

Фрогмортон встретил их зелёным уютom и тихим журчанием множества протоков Воды. Деревня раскинулась вдоль Тракта, мостики перекинута через каналы, заросшие кувшинками. Повсюду пахло речной водой, влажной землёй и... жареным луком из открытых окошек.

– Вот он, красавец! – Мистер Хорнблауэр указал тростью-совой на двухэтажное здание с вывеской, изображавшей весьма упитанную лягушку в прыжке. – «Прыгающая Лягушка»! Лучшие кровати на три лиги вокруг! И кухня... о, кухня! Помните угря? Здесь его готовят так, что пальчики оближешь! И пироги... – Он уже толкал дверь, откуда вырвались волны тёплого воздуха, смешанного с ароматом тушёного мяса, свежего хлеба и чего-то пряного.

Внутри царил привычный гомон хоббитов. Низкие потолки, тёмные дубовые балки, длинные столы, заставленные кружками и тарелками. Горели масляные лампы, создавая уютные островки света. Хозяин, толстый хоббит с фартуком, похожим на парус, приветствовал Фортинбраса как старого знакомого.

– Хорнблауэр! Живой! А мы уж думали, орки тебя в рагу пустили! – засмеялся он.

– Ничуть не бывало, дорогой Барли! – парировал Фортинбрас, снимая шляпу. – Орки не разбираются в истинных ценностях! Две койки на ночь, лучший сидр в кувшине и... что у вас сегодня на ужин? Говорили про томлёную баранину с можжевельником?

– Как раз поспекает! И угорь под соусом для знатоков! Садитесь, садитесь!

Они устроились у окна, выходящего на небольшую площадь. Там кипела торговля: лотки с овощами, корзины с рыбой, горшки с мёдом, плетёные корзины. Фортинбрас с упоением комментировал:

– Видите того седого хоббита с луком? Его лук – слава Фрогмортон! Сладкий, как яблоки! А вон миссис Тук – её пироги с мясом... легендарны! Обязательно купим с собой в дорогу! А вот аптека... там продают чудесную мазь от комаров на основе болотной мяты... О, а это...

Его экскурсию прервал принесённый кувшин сидра – золотистого, пенистого, с ароматом спелых яблок. Они чокнулись глиняными кружками. Сидр был восхитителен – терпкий, игристый, согревающий. Фродо расслабился, слушая болтовню Фортинбраса о достоинствах местного сыра и сплетнях про мэра, который якобы разводит гигантских жаб в своём пруду.

Именно в этот момент уют начал таять. За соседним столом, где сидели двое дорожных извозчиков и местный кузнец, разговор стал тревожным. Слова обрывались, голоса понижались до шёпота, но Фродо уловил обрывки:

– ...видели собственными глазами, вчера на закате! У Камня Трёх Четвертей...

– ...чёрный, как смоль, и конь под ним – уголь! Воздух стынет...

– ...в Скарри? Да, правда! Ворота на засов, дозоры по стенам! Старый Тук из стражников рассказывал...

– ...никто не знает, что происходит! Говорят, это предвестие... беды...

Фродо замер, кружка застыла у его губ. Сердце бешено застучало. «Черный Всадник. Скарри на замке». Он поставил кружку, звук был невероятно громким в его ушах. Он повернулся к соседям, стараясь говорить спокойно:

– Извините... вы упомянули чёрного всадника? Что это за... явление? Не слышал о таком в наших краях.

Извозчики переглянулись. Кузнец, коренастый хоббит с закатанными рукавами, откашлялся. Но ответил не он, а старый хоббит с длинной, седой трубкой, сидевший чуть поодаль и до этого молча слушавший. Его прозвали Дядюшка Дрого, и он слыл знатоком старины и страшных сказок. Глаза его были мутноваты, но голос – низкий, дребезжащий, полный злобщей убеждённости – заставил замолчать даже Фортинбраса.

– Чёрный Всадник, милоч? – прошипел Дрого, выпуская кольцо сизого дыма. – Ох, не к добру он здесь! Не к добру! Старые книжки, что пылятся в шкафу, толкуют о таких... Да и дед мой, бывало, у печки рассказывал. Не всадник это, милоч. Тень. Тень из бывшего Зла. Говорят, они слуги... Его. Того, чье имя лучше не называть в ночи. – Он оглянулся, будто боясь, что тени услышат.

– Видели его? – продолжал Дрого, понижая голос до едва слышного шёпота. За столом притихли. – Говорят, плащ на нём – не ткань, а сама ночь, сотканная в Мордоре. А под капюшоном... – он сделал паузу для эффекта, – пустота. Только глаза... если это глаза... два горящих угля ненависти. И холод от него идёт, милоч, леденящий душу! Цветы вянут под его взглядом! Собаки воют и жмутся к земле! Говорят, оружие не берет их... ну, разве что эльфийское, да и то древнее, заговорённое! Серебряные ножи – так, царапины! А голос... о, голос! Шелест могильного савана, скрежет костей по камню! Он спрашивает, милоч... всегда спрашивает... Ищет кого-то. Или что-то. – Дрого приглушённо кашлянул. – А кто его увидит... ну, тому не поздоровится. Безумие находит, говорят. Или хуже... гораздо хуже. Скарри заперлись? Умные. Умные... Но замки и стены... – он мрачно покачал седой головой, – ...от Тени не спасут. Если она захочет войти... она войдёт. Ищи щель, милоч. Ищи щель, да прячься глубже... – Он умолк, уставившись в свою кружку, словно увидел в тёмном пиве нечто ужасное.

Тишина повисла густая, как суп на кухне. Весёлый гомон трактира казался теперь фальшивым, натянутым. Фортинбрас бледнел, его трость-сова дрожала в руке. Фродо почувствовал, как Кольцо в кармане стало тяжелым и тёплым, будто отозвалось на слова о Тени. Он больше не слышал болтовни Фортинбраса о пирогах. Он слышал только скрежет костей по камню и видел в окне не уютную площадь Фрогмортон, а чёрную фигуру на перекрестке у Камня Трёх Четвертей, поворачивающую в их сторону.

– Мистер Хорнблауэр, – сказал Фродо, вставая. Голос его звучал чужим. – Я... я очень устал. Пойду займу нашу комнату. Ужин... возьму позже.

Не дожидаясь ответа, он поспешил к лестнице, ведущей наверх, чувствуя на спине тяжёлый, воображаемый взгляд пустоты под чёрным капюшоном. Уют «Прыгающей Лягушки» больше не был убежищем. Он был ловушкой с вкусными запахами.

Дневник Фродо (Ночь в «Прыгающей Лягушке»)

Пишу при тусклом свете масляной лампы в маленькой, но чистой комнатке под самой крышей. За окном – тихий Фрогмортон, окутанный ночной мглой. Только кваканье лягушек

да плеск воды в каналах нарушают тишину. Внизу, в трактире, ещё слышен приглушенный гул голосов, смех... но он больше не успокаивает. Он кажется наигранным. Маской.

Чёрный Всадник. Он здесь. Совсем рядом. У Камня Трёх Четвертей... А Скарри... Скарри заперлись. Они знают. Знают, что это не сказка дядюшки Дрого у печки. Знают, что от замков и стен мало толку против... Тени.

Рассказ старика... он был страшен не, а уверенностью. Он верил в это. Верил, как в то, что солнце встает на востоке. И другие слушали, и бледнели, и кивали. Это не байка для пугливых детей. Это знание. Знание, передаваемое шёпотом из поколения в поколение. Знание о том, что где-то во тьме ходят слуги Древнего Зла. И теперь они здесь. В Шире. Ищут.

Он спрашивает... Ищет кого-то. Или что-то.

Кольцо на столе передо мной. Оно лежит на странице дневника, холодное и безмолвное сейчас. Золотое, обманчиво невинное колечко. Оно – причина. Оно – то, что они ищут. Оно – та щель, в которую вползает Тень. Дядюшка Дрого сказал: «Ищи щель, да прячься глубже...». Но как спрятать солнце? Как спрятать это? Его зов разносится по ветру, как колокол во тьме, и Всадники идут на зов.

Я думал, оторвался от них. Думал, ферма и орки – самое страшное. Я был слеп. Орки – лишь псы. А Всадники... они охотники. И я – дичь.

Завтра – на рассвете. Раньше, чем проснётся Фортинбрас. Надо уходить. Не к Вудхоллу. Не с ним. Его путь – в его дом, к его безделушкам. Мой путь – на восток. Один. Быстрее ветра. Надо дойти до Бри. До знака. До Гэндальфа. «Прыгающая Лягушка» больше не безопасна. Ни одно место в Шире не безопасно. Тень на пороге.

Скарри заперлись. Фрогмортон пока спит. Но скоро... скоро Тень постучится и сюда. И замки не помогут. Надо успеть. Успеть проскользнуть в щель между ночью и рассветом. Пока Всадник у Камня Трёх Четвертей не двинулся сюда. Пока его холодное дыхание не коснулось спящих домов.

Кольцо молчит. Но его тяжесть – тяжесть мира – давит на грудь. Затушу лампу. Попробую уснуть. Хотя бы на час. Чтобы завтра... бежать. Бежать так, как не бежал еще никогда. Бежать от Тени, которая знает мое имя. Или имя того, что я несу.

Глава 11

Первые лучи рассвета, бледные и холодные, только коснулись крыш Фрогмортонa, когда Фродо уже стоял у кровати мистера Хорнблауэра. Антиквар храпел, уютно укутавшись в одеяло, его трость-сова мирно дремала рядом.

– Мистер Хорнблауэр, – тихо, но настойчиво позвал Фродо. – Просыпайтесь. Мне пора.

Фортинбрас заворчал, закрихтел, открыл один глаз.

– Мм? Пора? Уже? Но завтрак... Барли обещал оладьи с кленовым сиропом и копчёной грудинкой... – Он потянулся, зевнул во весь рот. – Куда так спешить, милейший? Вудхолл близко! Всего день, два или три... Может и всего лишь четыре! Там миссис Брамбл...

– Мне очень жаль, – перебил Фродо, стараясь звучать твердо, но не грубо. – У меня... срочные дела. На востоке. Личные. Я должен идти. Сейчас.

– Дела? На востоке? – Фортинбрас сел на кровати, сонно уставившись на Фродо. Его взгляд был полон искреннего недоумения. – Какие могут быть дела важнее хорошего завтрака и тёплого приюта? Неужто... неужто «Слёзы Луны» вас соблазнили? Решили проверить легенду? Ах, отважная душа! Я так и знал! В вас есть искра авантюризма! В наше время, знаете ли, это редкость! Сплошные домоседы, огородники, любители шестиразового питания... – Он уже оживлялся, размахивая руками. – А настоящий дух странствий, готовность влиться в поток неведомого, как река в море... О! Это дар! Дар, который...

– Мистер Хорнблауэр! – Фродо повысил голос, чувствуя, как драгоценные минуты утренней прохлады утекают сквозь пальцы. Его ноги горели желанием бежать, а Кольцо в кармане казалось тяжелее камня. – Мне действительно нужно идти. Сейчас. Благодарю вас за компанию, за пирог, за сидр... за всё...

Фортинбрас замолчал. На его круглом лице отразилась смесь разочарования и понимания. Он тяжело вздохнул.

– Ну что ж... Если дела зовут, значит, зовут. – Он выбрался из кровати, кряхтя. – Спасибо и вам, мистер Бэггинс. Без вас... боюсь, я бы так и сидел в камышах, размышляя о судьбах мира и свойствах болотной мяты. Вы – истинный джентльмен и отличный спутник! В наше время таких... – Он запнулся, увидев, как Фродо нервно переминается с ноги на ногу. – Да. Да! Не буду задерживать! Но вот... – Он порывлся в своем бесчисленном барахле и извлёк маленькую коробочку из тёмного дерева. – Возьмите. На память о старом чуде-антикваре.

Фродо открыл коробочку. Внутри, на бархатной подушечке, лежало маленькое серебряное колечко. Оно было простым, без камней, но изящной работы, с едва заметным узором из вьющихся листьев по ободку.

– Это... – начал Фродо, тронутый и одновременно смущенный.

– Пустячок! – махнул рукой Фортинбрас. – Нашёл в развалинах старой эльфийской усадьбы за Бри. Говорят, это кольцо дружбы лесных эльфов. Или для запечатывания писем? Точно не помню. Но оно доброе! И напомнит вам, что в Шире есть друзья. Если вдруг ваш путь приведет вас в Вудхолл – непременно зайдите! В лавке «Редкость и Старина» вас всегда ждет крынка холодного сидра и... о! У меня же там есть совершенно потрясающий подсвеч-

ник в виде дракона! Или это был грифон? Нет, дракон! С глазами из крошечных рубинов! И я расскажу вам о новой находке – свиток с гномьими рунами, который... —

– Мистер Хорнблауэр! – Фродо мягко, но решительно перебил его, засовывая коробочку с кольцом в карман. Сердце сжалось от благодарности и вины. Доброе кольцо... – Я... я очень ценю приглашение. И подсвечник. И дракона. Но мне правда нужно идти. Сейчас. Желаю вам благополучно добраться до Вудхолла. И... берегитесь орков.

Он крепко пожал пухлую руку антиквара, кивнул и, не оглядываясь, вышел из номера. За спиной он услышал последнее, чуть растерянное:

– ...и пирога с трюфелями! Миссис Брамбл... Эх. Счастливого пути, мистер Бэггинс! Ищите щели!

Фродо почти бегом миновал еще сонный трактир и выскочил на Восточный Тракт. Холодок утреннего воздуха обжёг лицо, но был благословенен. Он не оглядывался на «Прыгающую Лягушку». Он шел быстро, почти бежал, оставляя Фрогмортон позади, утопающий в розоватом свете и кваканье лягушек. Дорога вела на восток, к далеким холмам, окутанным утренней дымкой.

Он не останавливался, пока деревня не скрылась из виду за поворотом, а холмы не встали перед ним во всем своем зелёном величии. Только тогда, на опушке, где тень леса уже ложилась на траву, он позволил себе остановиться. Достал дневник и перо. Время для записи перед погружением в зелёную чашу.

Дневник Фродо (Седьмой День? Рассвет у Леса)

Пишу на краю леса. Фрогмортон – лишь воспоминание, отмеченное дымкой далёких труб и запахом речной воды. Дорога сюда была быстрой, ноги сами несли меня прочь от уюта, ставшего ловушкой, от дружелюбия, ставшего опасным.

Прощание с мистером Хорнблауэром... оно было таким... хоббитским. Тягучим, сладким, как патока, и совершенно невыносимым в моем положении. Его благодарность была искренней, его подарок – трогательным. Ещё одно кольцо. Серебряное, легкое, с эльфийским узором. «Доброе кольцо», назвал он его. Оно лежит в коробочке у меня в кармане. Рядом с... Другим. Какая ирония. Мир полон колец: одни несут гибель, другие – память о дружбе. Кольцо к кольцу. Бремя к бременю.

Его монологи... о пирогах, о подсвечниках, о драконах с рубиновыми глазами... они были последним глотком того старого Шира. Мира, где главными тревогами были недосоленный суп или цена на ячмень. Мира, который уже кончился. Он не знает. Он не может знать, что Чёрная Тень у Камня Трёх Четвертей – не сказка дядюшки Дрого. Что она ищет меня. Что его болтовня могла стоять нам обоим жизни.

Я перебивал его. Грубо? Возможно. Но каждая минута в Фрогмортоне была риском. Каждая лишняя секунда на Тракте – возможной встречей с Тем Всадником. Его совет «Ищите щели!» звучит теперь как горькая шутка. Какую щель найду я? В этом лесу? В Бри? Единственная щель – это бегство. Быстрое, безоглядное.

Лес встает передо мной стеной из дубов, ясеней и орешника. Солнце уже золотит верхушки деревьев, но внизу царит полумрак. Здесь начинаются земли, где тропы знают не только хоббитские ноги. Здесь могут быть и звери, и... иные твари. Или орки. Или хуже.

Но здесь нет открытых полей. Нет любопытных глаз. Нет хоббитов, чья доброта может стать их погибелью. Здесь можно спрятаться. Или попытаться. Впереди – долгий путь через чащу к Пригорью. К Бри. К надежде на знак.

Прощай, Фортинбрас Хорнблауэр. Прощай, Фрогмортон. Прощай, последние отсветы мирной жизни. Я вступаю под сень леса. Несу с собой два кольца: одно – как память о друге, другое – как гиря судьбы. Первое согревает карман. Второе жжёт душу.

Время укрыться в зелёной тени. Время идти. Быть тише паутины. Быстрее весеннего ручья. Пока Тень не настигла.

Глава 12

Тень у Зелёной Стены

Последняя точка в дневнике была поставлена, как вдруг воздух разрезал протяжный, леденящий душу волчий вой. Он прозвучал где-то глубоко в чаще, недалеко, но достаточно ясно, чтобы по спине Фродо пробежали мурашки. За ним, чуть дальше, ответил другой, затем третий. Не просто сигнал – разговор. Охота началась.

Фродо быстро свернул дневник, острое чувство самосохранения перевешивало усталость. Взгляд метнулся от темнеющей под солнцем чащи к открытому пространству вдоль опушки. Войти сейчас? Одному? С волками? Мысль показалась безумием. Лес в сумерках – не убежище, а ловушка для неопытного путника. Но идти открыто по Тракту... где Всадник?!

Решение пришло само: идти вдоль кромки леса. Тропинка, протоптанная зверями или редкими смельчаками, вилась между последними деревьями и открытым полем. Здесь можно было двигаться относительно быстро, держась тени, с полным обзором поляны слева. А если что – шаг вправо, под сень ветвей, и ты скрыт. Шанс не стать чьим-то ужином казался выше.

Он зашагал, прислушиваясь к каждому шороху в лесу и вглядываясь в даль поля. Широколиственные дубы и стройные ясени сменяли друг друга, их корни, как каменные змеи, сползали к тропе. Солнце клонилось к западу, отбрасывая длинные, косые тени. Шагая, Фродо ловил себя на странной мысли: Имя.

Фродо Бэггинс из Хоббитона. Он раздавал его направо и налево! Фортинбрасу, в трактире «Прыгающая Лягушка»... Совсем безрассудно! Если Всадники спрашивают о «Бэггинсе», а Фортинбрас, попав в беду (или просто поболтав за сидром), упомянет, что шёл с Фродо Бэггинсом до Фрогмортонна... След станет яснее дорожного указателя. Нужен псевдоним. Что-то простое, хоббитское, ничем не примечательное.

Он перебирал варианты, шагая под мерный скрип травы на утоптанной земле:

Сумкинс? Слишком очевидно. «Сумка»? Несерьезно.

Мистер Подхолмс? Звучит как адрес, а не имя. «Живущий под холмом»? Банально.

Взрослый Трамплингс? Смешно, но привлекает внимание.

Фордо Трамкинс? Почти его имя. Опасная игра.

Мистер Накручинс? «Тот, кто вечно беспокоится»? Слишком уж правдиво. Выдаст нервозность.

Сэм из Подгорья? Воровство имени друга? Низко.

Фёдор Михайлович Сумкин? Откуда это?! – удивился он сам. Звучало чужеродно, загадочно, почти как эльфийское, но непонятно. Может, сгодится? Хотя... кто в Бри поверит хоббиту с таким именем? Сочтут сумасшедшим или шпионом.

«Проще всего – никакого имени», – решил он в конце концов. «Просто путник. Из Западного Края. Молчун».

Но в душе понимал: хоббиты общительны. Молчание вызовет больше подозрений, чем странное имя.

Солнце коснулось вершин дальних холмов, окрасив небо в багрянец и золото. Фродо нашёл хорошее место для ночлега – небольшую полянку прямо на опушке, прикрытую с одной стороны густым кустом боярышника, с другой – нависающими ветвями старого вяза. До леса – шаг, до открытого пространства – обзор. Он быстро собрал хворост, развел небольшой, но жаркий костерок, скрытый кустом от случайных взглядов с поля. Достал последние припасы от Фортинбраса: кусок сыра, лук и твёрдый хлеб. Скромный ужин на фоне великолепного заката казался мирным, почти идиллическим. Волчий вой не повторялся. Воздух был тих и наполнен запахом нагретой за день земли и хвои с ближних сосен. Фродо позволил себе расслабиться, достал дневник. На душе было спокойно – редкое чувство за эти дни.

Дневник Фродо (Шестой День. У опушки леса)

Пишу у огонька, прислушиваясь к треску сучьев и последним птичьим песням. День закончился спокойно. Страх от утреннего волчьего воя отступил, растворившись в золоте заката. Идти вдоль опушки было верным решением: и лес рядом для укрытия, и простор для обзора. Ширь полей под заходящим солнцем была прекрасна и... нестрашна. Пока.

Главная мысль дня – моя глупость. Имя. Как легкомысленно я его разбрасывал! Фродо Бэггинс – это маяк для Тьмы. Факел в ночи для тех, кто ищет. Встреча с Фортинбрасом, разговоры в трактире... все это могло оставить след, по которому пойдут Всадники. Надо быть тенью. Без имени. Без прошлого. «Путник из Западного Края» – вот и весь рассказ. А если будут настаивать... «Мистер Накручинс»? Звучит как-то уныло-правдиво. Или выдумать что-то совсем простое – Том из Дальних Полей? Но меньше слов – лучше. Молчание – золото. Особенно когда за тобой охотятся призраки.

Вечер здесь... мирный. Непривычно мирный. Костерок греет, сыр и лук утоляют голод, хлеб хоть и чёрств, но напоминает о доме. Закат разлился по небу красками, достойными кисти эльфийского художника. Зелень холмов кажется бархатной. Даже лес за спиной дышит спокойствием. Ни волков, ни странных шорохов. Только сверчок где-то выводит свою нескончаемую трель. Если бы не Кольцо, тяжело лежащее в кармане, можно было бы подумать, что все кошмары – лишь дурной сон.

Завтра – в чащу. Настоящий лес. Путь к Пригорью будет неблизким и, наверное, трудным. Но сегодня... сегодня можно позволить себе передышку. Думать только о тепле огня, о сытости, о красоте угасающего дня. О том, что где-то там, далеко, Сэм, наверное, тоже смотрит на это же солнце, заходящее за крыши Хоббитона. И надеется.

Надежда... хрупкая, как паутинка в утренней росе. Но она есть. Пока я иду. Пока огонек мой горит. Пока...

АААУУУУУ-ОООООООООООО!

Звук обрушился на полянку, как удар хлыста. Близко. Очень близко. Пронзительный, голодный, полный первобытной злобы волчий вой. И ему тут же, справа и слева, ответили другие. Не разговор – боевой клич. Стая. И она была здесь.

Фродо вскочил, сердце прыгнуло в горло. Бездумно, движимый чистейшим инстинктом, он схватил горсть земли и бросил её в костёр. Огонь захлебнулся, зашипел, повалил едкий дым. Ещё горсть! Ещё! Пламя погасло, оставив лишь тлеющие угольки и густой запах гари. Темнота накрыла полянку мгновенно и беспощадно.

Вой повторился, еще ближе. Слышался топот, треск веток под тяжёлыми лапами.

Дерево! Надо на дерево! Фродо метнулся к старому вязу, цепляясь за шершавую кору, отчаянно карабкаясь вверх по знакомым с детства, но теперь таким скользким и ненадежным уступам. Он втянул ноги, забрался повыше, на толстый сук, прижимаясь к холодному стволу. Внизу, в крошечной тьме, послышалось фыркание, шуршание в кустах боярышника. Запахло зверем – резким, диким. Жёлтые точки глаз мелькнули в черноте, отражая последний отблеск зари на западе. Их было несколько. Они обнюхивали место, где только что горел костёр, где он сидел и писал о мире и надежде.

Фродо замер, стараясь не дышать. Кольцо в кармане было ледяным. Он снова был дичью. Только теперь охотники были не призрачными тенями в чёрном, а вполне реальными, с клыками и когтями, и пахли кровью и голодом. И они были прямо под ним.

Глава 13

Дневник Фродо (Седьмой День? Рассвет...)

(Почерк неровный, торопливый)

Розовеет восток. Светает. Вижу их ясно. Они здесь. Внизу. Ждут. Мне нужно что-то предпринять, либо тут я и завершу свой путь.

Рассвет и Зубы

Розовый свет зари, пробивавшийся сквозь редкую листву вяза, не принёс Фродо облегчения. Он лишь высветил в жестоких подробностях его кошмар. Они были здесь. Не ушли, не потеряли след. Трое. Огромные, серо-бурые тени, распластавшиеся у самого подножия дерева-спасителя, ставшего деревом-тюрьмой.

Один лежал, морда на могучих лапах, но жёлтые глаза были прикованы к Фродо. Другой сидел, как изваяние, лишь кончик хвоста нервно подрагивал. Третий, матёрый, с жёсткой шерстью и глубокими шрамами на боку, похаживал неторопливо вокруг ствола. Его приоткрытая пасть обнажала ряды желтоватых клыков, острых и загнутых, как кинжалы. Тягучая слюна стекала нитями на землю, оставляя тёмные пятна на пыли. Завтрак. Они ждали своего завтрака. Терпеливо. Зная, что время их союзник.

Фродо попытался осторожно сместиться – сук впивался в бедро невыносимо. Едва тело его дрогнуло – мир взорвался.

Лежащий волк вскочил с глухим рыком. Сидевший взревел – низкий, гортанный звук, от которого кровь стыла в жилах. А матёрый... он не зарычал. Он бросился к стволу! Мощные лапы с острыми когтями впились в кору вяза, рванули вверх! Грязь и щепа посыпались вниз. Он лез! Неуклюже, яростно, отчаянно цепляясь за шершавую поверхность. Его горящие жёлтым огнём глаза упёрлись прямо в Фродо. Из раскрытой пасти хлынул поток зловонного, горячего пара и слюны, брызги которой долетели до лица хоббита. Фродо вскрикнул – воплем загнанного зверя.

Инстинкт сработал быстрее страха. Руки Фродо, ободранные о кору, схватились за ближайшие ветки. Он рвал, ломал сухой валежник над головой, швыряя его вниз, в эту поднимающуюся клыкастую бездну! «Прочь! ПРОЧЬ!» – хрипел он, сорванным голосом. Тонкие прутья с листьями лишь хлестали по морде зверя, застревали в шерсти. Волк фыркнул, тряхнул огромной головой – и полез выше, рыча, как водопад камней. Его когти сдирали кору длинными лентами. Двое других метались внизу, подпрыгивая, их пасти щелкали в воздухе в сантиметрах от его болтающихся ног. Он чувствовал ветер от их бросков, слышал лязг смыкающихся челюстей. Мир сузился до хриплого рычания, лязга клыков, хруста ломаемой древесины и дикого запаха хищника.

Отчаяние придало силы. Фродо ухватился за толстый, полумёртвый сук, торчащий рядом. Со стоном, натягивая каждую жилу, он вывернул его с громким треском! И со всего размаха, как копьём, всадил тупым концом в морду лезущему волку!

Тудух! Глухой удар. Визг – высокий, пронзительный, полный боли и ярости. Волк сорвался. Он рухнул вниз, тяжело шмякнувшись о землю, забился в пыли, трясся окровавленной мордой, фыркая кровью и слюной. Потом вскочил, отбежал, злобно и трусливо озираясь, рыча непрерывно, низко и страшно. Двое других на мгновение замерли, отступив шаг, ошеломленные.

Фродо повис на стволе, задыхаясь. Сердце колотилось, руки дрожали, ладони были липкими от крови и древесного сока. Каждый вдох обжигал горло. Он прижался к шершавой коре, молясь, чтобы дрожь не сбросила его вниз.

Они не ушли. Отползший матёрый волк зализывал рану, не сводя с Фродо ненавидящего, горящего взгляда. Остальные сели на землю, как каменные истуканы стражи. Осада. Тихая. Зловещая. Они просто сидели. Терпеливо. Глаза – шесть жёлтых, не моргающих точек – пригвоздили его к дереву. Они знали. Знали, что солнце поднимается выше, знали, что жажда и голод – их лучшие союзники. Знали, что рано или поздно, он упадёт.

Солнце взошло, разлилось по небу, залило лес золотом и зеленью. День наступил, ясный и тёплый. Но для Фродо рассвета не случилось. Был только яркий, беспощадный свет, в котором он видел каждую каплю засохшей слюны на морде вожака, каждый клоч выдранной шерсти на его боку, каждый отблеск на острых клыках. Видел свою кровь, чернеющую на серой коре вяза. Часы тянулись, сливаясь в мучительное ожидание. Солнце пекло макушку. Жажда пересошим комом стояла в горле. Голод сводил желудок. Сознание начинало плыть. Он смотрел вниз на эти три пары глаз и понимал с леденящей ясностью:

Он не сойдет с этого дерева живым. Либо он станет их добычей, либо кости его отбелит солнце. Надо было действовать. Сейчас. Но как? Ринуться вниз с суковатой дубиной? Попытаться бежать? Или... или сдаться на милость неумолимых жёлтых глаз? Кольцо в кармане было холодной, бесполезной тяжестью. Оно не могло спасти от этой земной, звериной ярости. Только его собственные силы. Или конец.

Глава 14

Отчаяние сжимало горло. Пальцы Фродо, липкие от крови и пота, судорожно теребили холодный металл Кольца в кармане. Что толку? – металась мысль. Оно не отгонит волков. Оно лишь приманит худшее... Но в этой немой агонии, в этом безысходном ужасе перед жёлтыми глазами внизу, он машинально сжимал его, как последнюю связь с миром, который рушился. Его рука дрожала, цепляясь за кору, а другой он бессознательно вертел золотой ободок, ощущая его гладкую, зловеще совершенную поверхность.

Он попытался найти опору для ноги, потянулся к казавшейся крепкой ветке чуть выше... И она обломилась с сухим треском!

Фродо вскрикнул – коротко, бессильно. Мир опрокинулся. Он падал. Падал вниз, навстречу трём распахнутым пастям, навстречу смерти, которая уже взметнулась навстречу на мощных лапах, оглашая воздух победным, жадным рыком. В этом падении, в этом последнем миге ужаса, его рука, инстинктивно выброшенная вперёд, чтобы смягчить удар, проскочила сквозь ткань кармана. Палец – неведомо как, неведомо почему – скользнул внутрь холодного круга.

И мир...

Мир взорвался.

Не грохотом, а оглушительной, всепоглощающей тишиной. И в этой тишине – невероятной, абсолютной – вдруг прорезались звуки, которых он никогда не слышал: шелест каждой травинки в десяти шагах, биение собственного сердца, как барабан в пустом зале, скрежет когтя волка о землю, словно рядом. Но это был лишь фон.

Главное – зрение. Оно пронзило мир, как лезвие. Цвета вспыхнули нестерпимо ярко, ослепительно: зелень листвы стала ядовитой изумрудной лавой, серая кора вяза – рельефной картой веков, каждая трещина – пропастью. Он видел всё. Видел каждую блоху в шерсти взлетевшего навстречу матёрого волка, видел узор на его клыках, как на резном эльфийском клинке, видел пылинки, взметнувшиеся от его лап. Но этот мир был чужим. Холодным, безжалостно резким, лишенным тепла и привычных теней. Он видел не глазами – каким-то иным, пронзающим взором, который заглядывал за видимое.

А волки... Они не видели его. Их прыжок, яростный и точный, прошёл сквозь то место, где он падал. Они врезались друг в друга с глухим стуком, сбитые с толку. Рык сменился визгом недоумения и... страха. Чистого, животного страха. Они отпрыгнули, прижав уши, озираясь дикими, растерянными глазами. Самый матёрый заскулил – высоко, жалобно, как щенок, тыча мордой в пустое место, где только что была добыча. Они чуяли что-то – что-то невидимое, древнее и страшное, что внезапно возникло и исчезло. Их уверенность испарилась. Они пятились, рыча, но уже не от голода, а от ужаса перед непостижимым.

Фродо не понимал. Он упал? Он стоял? Он был везде и нигде. Он ощущал холод Кольца на пальце, ледяной ток, бегущий по венам, и голос. Голос, который был не звуком, а давлением в самой ткани мысли. Шёпот? Рёв? Зов? Он звал... Туда. Вдаль, на восток, но и... вглубь, в какую-то чёрную, бездонную пустоту, которая вдруг разверзлась внутри и вокруг него. Это был

зов Власти, зов Господина, зов окончательного растворения. Он был одновременно ужасен и... сладостен. Манил с неодолимой силой.

«Нет!» – мысль, слабая, как трепет листа на ветру, но своя. Мысль о Шире, о Сэме, о тепле, о свете. «Сними!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.